

УДК 330.16

DOI: 10.52531/1682-1696-2025-25-4-12-25

Научная статья

EDN: BMYNGU

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

**Д.С. Петросян¹,
А.Н. Столярова^{1,2},
Т.С. Капанина²**¹ АО «Институт региональных
экономических исследований»,
Москва, Российская Федерация² ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»,
Москва, Российская Федерация

В статье проведена систематизация и описание деструктивных проявлений в институциональной системе национальной экономики. Все деструктивные проявления подразделены на три существенные группы: деструктивные проявления в строении и механизмах воздействия институтов, деструкции в сфере управления формированием и развитием социально-экономических институтов и виды девиантного поведения экономических агентов. По результатам анализа сделаны выводы об основных направлениях совершенствования работы институтов национальной экономики.

Ключевые слова: деструктивные проявления, институциональная система, национальная экономика, институты, девиантное поведение, экономические агенты

Original article

DESTRUCTIVE MANIFESTATIONS IN THE INSTITUTIONAL SYSTEM OF THE NATIONAL ECONOMY

**D.S. PETROSYAN¹, A.N. STOLYAROVA^{1,2},
T.S. KAPANINA²**¹ JJSC «INSTITUTE OF REGIONAL ECONOMIC
RESEARCH», MOSCOW, RUSSIAN FEDERATION² STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF
HIGHER EDUCATION "STATE UNIVERSITY
OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES",
MOSCOW, RUSSIAN FEDERATION

This article systematizes and describes destructive manifestations in the institutional system of the national economy. All destructive manifestations are divided into three essential groups: destructive manifestations in the structure and mechanisms of influence of institutions, destructive manifestations in the management of the formation and development of socioeconomic institutions, and types of deviant behavior of economic agents. Based on the analysis, conclusions are drawn regarding the main areas for improving the functioning of national economic institutions.

KEYWORDS: destructive manifestations, institutional system, national economy, institutions, deviant behavior, economic agents

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблем деструктивных проявлений в институциональной системе имеет свою историю. Указанные проблемы рассматривались в работах Э. Дюркгейма, который ввел понятие социальной аномии, понимаемой как отсутствие правил или норм. Ряд представителей неинституционального подхода (К. Айрес, П. Буш, В. Дуггер, Л. Джункер, М. Тул, Дж. Фостер) изучали дисфункции институтов в рамках активной институциональной политики и динамики институциональных систем. Один из родоначальников структурно-функционального анализа Т. Парсонс углубил понятие аномии и определил его

как состояние, при котором значительное число индивидов находится в положении, характеризующимся серьезным недостатком интеграции со стабильными институтами. Другой ученый этого направления социолог Р. Мертон обобщил понятие девиации и типизировал формы отклоняющегося поведения. Представители конфликтологической школы Р. Дарендорф и Л. Козер изучали роль конфликта в социальной системе, и столкновение различных интересов людей и институтов.

В научной литературе для обозначения деструктивных состояний и режимов функционирования институтов (норм, институциональной системы) специалисты прибегают к таким терминам, как институциональные искажения или деформации, дисфункции институтов, институциональные разрывы, институциональные ловушки, мутации институтов,

институциональные кризисы, антиинституты, институциональный вакуум и т.п.

Перечисленные деструктивные состояния и режимы в институциональной системе в подавляющем большинстве приводят к негативным формам индивидуального и группового поведения экономических агентов. В некоторых случаях эти деструктивные проявления можно рассматривать как сигналы о появившихся противоречиях в функционировании институтов, которые свидетельствуют о необходимости внесения соответствующих корректив в строение и механизмы их регулирования.

В институциональной теории для характеристики негативных аспектов в поведении агентов используются понятия нерационального (частично рационального) и иррационального поведения, а также оппортунистического поведения, которое нацелено на преследование собственного интереса и, как правило, не ограничено соображениями морали. Кроме того, говорят о неконформистском и девиантном (нарушающим нормы, в частности правовые) поведении агента.

В литературе по институциональной экономике предлагаются различные по содержанию и масштабу воздействия деструкции, при этом не формулируются критерии их классификации, которая могла бы стать основой для классификации институциональных патологий национальной экономики, а в дальнейшем и разработки методов диагностики, ослабления влияния, предупреждения и устранения институциональных патологий. Поэтому в предлагаемой статье нами будет проведена систематизация и описание деструктивных проявлений в институциональной системе национальной экономики.

Все деструктивные проявления нами подразделены на три большие группы: деструктивные проявления в строении и механизмах воздействия институтов, деструкции в сфере управления формированием и развитием социально-экономических институтов и виды девиантного поведения экономических агентов.

Деструктивные проявления первой группы обусловлены эволюционными процессами трансформации институциональной системы преимущественно за счет выбора того или иного института экономическими агентами и укоренения, таким образом, деструкций.

Вторая группа касается так называемых «искусственных» деструкций, обусловленных ошибками, допущенными в ходе целенаправленной деятельности институциональных акторов в сфере управления формированием и развитием социально-экономических институтов. Отметим, что в публикациях деструктивные проявления этой группы практически не рассмотрены.

И, наконец, третья группа деструктивных проявлений включает в себя виды девиантного поведения

экономических агентов, обусловленного воздействиями институтов на их социально-психологические качества.

В статье приводится краткий обзор конкретных деструктивных проявлений в институциональной системе в соответствии с определенными выше тремя основными группами. Так как в отечественной теории институциональной экономики многие понятия имеют различное, порой противоречивое толкование, мы сочли целесообразным в максимальной степени сохранить оригинальную трактовку изложения содержания основных деструктивных проявлений, со ссылками на соответствующие публикации.

СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИЯ

Институциональные искажения или деформации. В работе И.Н. Игошина под институциональными искажениями или деформациями подразумеваются «... такие институциональные формы, которые не соответствуют функциональной природе институтов и оказывают деструктивное влияние на институциональную систему в целом. Искажения подразумевают нечто большее, чем обычное несовершенство или неэффективность института. Выражением институциональных искажений являются серьезные и долговременные изменения: или обретение иной, не свойственной институту функции, или принятие чуждых институту форм. Масштаб искажений различен: от отдельных недостатков до возникновения «институтов-мутантов» [4, с.10].

Дисфункции институтов. Согласно М.В. Сухареву, под дисфункцией понимается нарушение, расстройство функций какого-либо органа, системы, экономического института, преимущественно качественного характера – по аналогии с дисфункцией организма в биологии [17, с. 74–77]. Неэффективные (дисфункциональные) институты делают такое состояние потери функционального наполнения практически всех работающих подсистем относительно стабильным, и обретение системой новой динамики возможно только при соответствующих модификациях институтов и организаций.

В институциональной экономике известно, что неэффективная норма может долго функционировать. «Естественный отбор» отнюдь не обеспечивает сохранение исключительно полезных свойств и институтов. Наличие данных явлений говорит о той или иной степени дисфункциональности экономики. Эти процессы могут возникать независимо друг от друга или одновременно. Введение новых институтов или пролонгация действия старых, взаимодействующих с новыми, часто усиливает негативное воздействие на экономику.

Различаются два типа дисфункции: макроэкономическая и микроэкономическая. Макроэкономическая дисфункция – это такое неравновесное динамическое

состояние института и/или хозяйственной системы, при котором все основные параметры институциональных установлений этой системы испытывают потерю качества. Макроэкономическая дисфункция является редким результатом институциональной динамики, когда снижающаяся функциональная эффективность институтов самоусиливается, так что замена одного или нескольких институциональных установлений не может изменить ход развития экономической системы. Она представляет собой нижнюю точку адаптивной эффективности.

Адаптивная эффективность характеризует способность экономической системы к обучению и приобретению знаний, к поощрению инноваций, восприятию риска и возможности переносить различные эксперименты, например, реструктуризацию. Адаптивная эффективность, в отличие от аллокативной эффективности, представляет собой эффективность действия правил, задающих развитие экономической системы во времени.

Если в верхней точке адаптивной эффективности цель существования института обозначена и долгосрочна, взаимосвязана с другими целями, область приложения – стабильна, функциональное наполнение – высокое при строго определенном наборе функций, срок до изменения нормы – значительный, издержки действия – относительно невысокие, степень отторжения низкая, устойчивость к случайному изменению (мутации) высокая, то для макроэкономической дисфункции или нижней точки адаптивной эффективности все перечисленные параметры имеют прямо противоположное значение.

Фактически она характеризует способность экономической системы к обучению, поощрению инноваций и противодействию рискам, готовность к решению возникающих проблем, мешающих развитию. Однако, на наш взгляд, приближение к оптимальной адаптивной эффективности возможно только с определенной величины аллокативной эффективности. Пока неэффективно используются факторы производства, говорить о повышении адаптивной эффективности не совсем уместно, хотя установленные правила в значительной мере определяют возможности аллокации и ее эффективность.

Микроэкономическая дисфункция – это такое неравновесное динамическое состояние института или организации, при котором лишь отдельные характеристики этой системы испытывают потерю качества, что приводит к девиации модели поведения организации или закреплению неэффективных норм, функционирующих в границах своего монетарного диапазона. Таким образом, микродисфункции всегда присутствуют в экономике, важное значение имеют их потенциал (глубина) и плотность – способны ли они быстро подвести систему к нижней точке адаптивной эффективности или, наоборот, их плотность и глубина динами-

чески снижаются, выводя экономическую систему на верхнюю границу адаптивной эффективности.

При возникновении ситуации макроэкономической дисфункции требуются кардинальные изменения в правовом поле экономических взаимодействий с целью нахождения принципиально новой комбинации хозяйственного и правового порядков, мероприятий экономической политики.

Отклонения режимов функционирования институтов от стандартов. В учебнике «Институциональная экономика» [5, с. 291] определяются два вида отклонений режимов функционирования институтов от стандартов:

– бездействие. При функционировании нормы в этом режиме индивиды знают о правиле, им известно, как требуется поступать в некоторой ситуации, однако они действуют иначе; в данном режиме могут существовать преимущественно формальные институты: «бездействующий закон» – вполне типичное, к сожалению, явление для отечественной практики, хотя в принципе возможен и «бездействующий обычай» – например, если он представляет собой ритуал, воспроизводимый жителями какой-то местности исключительно для туристов, т.е. как информационный товар;

– спорадическое действие. Данный режим соответствует такой практике, когда при возникновении некоторой ситуации рассматриваемое правило может применяться, а может и не применяться; в последнем случае индивиды либо ведут себя, исходя из другого или других правил, либо же поступают по своему усмотрению, не опираясь ни на какое из правил, известных им и в принципе применимых в этой ситуации.

Антиинституты. Проблемы образования и демонтажа антиинститутов рассматриваются в работе М.В. Сухарева [16]. Там указывается, что унификация, общественное признание и социализация ортогональных приемов игры фактически ведут к возникновению антиинститутов. Дело в том, что использование неким экономическим агентом нестандартных приемов, рутин, ведет к повышенным для него транзакционным издержкам, ибо партнеры не понимают его поведения. Первоначально придуманные одним или несколькими агентами приемы игры, становясь общим достоянием, изменяют общепринятые правила поведения, создают новые социальные институты. Начинают складываться неформальные и формальные структуры, организации, способствующие реализации ортогонального экономического поведения. Происходит институционализация экономического поведения, противоречащего действующим формальным институтам. Складываются социальные сети, стабильная система контактов и коммуникаций между акторами, с помощью которых функционируют антиинституты.

Казалось бы, никто не наказывает за нарушение антиинститутов. Но здесь действует мощный

экономический фактор и экономический агент-предприниматель, не использующий ортогональные правила игры, оказывается неконкурентоспособен. Это «рыночное насилие» заставляет их использовать так называемые «схемы» даже вопреки личным склонностям. Антиинституты строятся не только «снизу вверх». Практики поведения копируются, распространяются и унифицируются, превращаются в традицию, т.е. институционализируются, становятся нормой.

Создание антиинститутов является естественной приспособительной реакцией имеющей органическое строение социальной системы на появление в ней чужеродного элемента. Как это ни парадоксально, но антиинституты могут частично принимать вид формальных институтов. Институты, регулирующие экономическую деятельность, также достаточно часто производят законодательные акты, формализующие некоторую часть антиинститутов. Разумеется, принятие таких законов лоббируется заинтересованными слоями общества. Общим для всех видов формализации (легализации) антиинститутов или их частей является то, что они официально оформляют виды экономического поведения (приемы игры), направленные на обход действующих институтов. Поэтому формализация антиинститутов имеет вид актов, направленных, видимо, на достижение других целей, и легализует только часть антиинститута, пересекающуюся со своим институтом-антиподом только в какой-то одной или нескольких зонах.

Однако принятие нескольких законов, формализующих каждый в своем теле часть антиинститута, способно придать законный статус большей части идеальной системы, составляющей антиинститут и почти полностью заблокировать действие основного социального института. Сохранение системы антиинститутов, даже в условиях, когда население и экономические агенты привыкли ими пользоваться, нельзя считать нормальным явлением. Слишком высокими в этих условиях остаются риски экономической деятельности, неопределенность ситуации.

Конфликт внешних и внутренних институтов. Согласно Ф.М. Урумовой конфликт внешних и внутренних институтов обусловлен иерархией институциональных систем [19, с. 59]. Иерархия – это система с вертикальным статусом и авторитетом, в которой порядок осуществляется сверху на основе метаправил, являющихся процедурными правилами (или принципами), предназначенными для поддержания совместимости системы внешних правил, управляющими институциональными изменениями. Ключевая функция системной иерархии правил заключается в помощи эволюции системы правил. Институциональные системы в виде иерархии от общих до специфических правил облегчают индивидам понимание правил, организуя их в единую систему и поддерживая ее по-

следовательность. Иерархические системы, характерные для внешних институтов, состоят из правил трех уровней: конституции, законодательства и регулирования.

В институциональных системах внутренние и внешние правила могут конфликтовать; разрешение конфликта происходит через эволюцию внутренних институтов или посредством формального изменения внешних. В период трансформации в переходных экономиках конфликт внешних и внутренних институтов становится серьезным тормозом экономического развития общества. Разрешение конфликта может происходить параллельно: через влияние на эволюцию внутренних институтов и формирование системы ценностей рыночного порядка, с одной стороны, и посредством адаптации и гармонизации системы внешних институтов, с другой. Нарушение принципа универсальности ведет к дисфункциональности институциональной системы.

Основные типы трансплантационных дисфункций. В ходе исследования процессов трансплантации институтов академиком В.М. Полтеровичем были определены основные типы трансплантационных дисфункций: атрофия и перерождение института, активизация альтернативных институтов и отторжение, институциональный конфликт и парадокс передачи [15].

Трансплантат оказывается невостребованным, если его использование несовместимо с культурными традициями или институциональной структурой реципиента. В этом случае он может постепенно атрофироваться и исчезнуть. Атрофирующийся институт (подобно атрофирующемуся органу) нередко становится источником более серьезной дисфункции: активизируются деструктивные возможности его применения, подавлявшиеся донорской институциональной средой. Сохраняя формальную идентичность, он фактически перерождается в инструмент теневой деятельности.

Наряду с атрофией в списке трансплантационных дисфункций важное место занимает активное отторжение трансплантата. Обычно оно связано с активизацией альтернативных институтов, подчас неожиданной для инициаторов трансплантации. Непременное условие для активизации альтернативного института – меньшая величина соответствующих ему транзакционных издержек по сравнению с трансплантатом для части экономических агентов. Отметим также, что активизация альтернативной нормы нередко ведет к формированию неэффективных равновесий – институциональных ловушек, то есть неэффективных устойчивых норм (неэффективных институтов) [14]. При этом трансплантированный институт не обязательно отторгается полностью, но масштаб его применения сокращается.

Неэффективность рыночных институтов во многих переходных экономиках принято объяснять тем,

что экономические агенты не выполняют те или иные формальные правила: нарушают права собственности, платят взятки и т.п. Это соответствует активизации альтернативных норм. Имеется, однако, и более глубокая причина. Фиксируемые законодательно правила и инструкции оставляют множество возможностей для интерпретации и формирования различных стереотипов поведения в зависимости от институциональной среды, опыта и культуры действующих субъектов. Формальные правила лишь оболочка, в пределах которой могут возникать самые разные неформальные нормы. Поэтому попытка трансплантации, понимаемой как имитация формальных правил, может привести к возникновению института хотя и жизнеспособного, но существенно отличающегося от исходного и, возможно, неэффективного. Такой тип дисфункции называется институциональным конфликтом¹. Он возникает в результате различия институциональных условий донора и реципиента.

И, наконец, последняя трансплантационная дисфункция – парадокс передачи, то есть явление, при котором в результате бесплатной передачи более эффективной технологии донор может выиграть за счет реципиента.

Институциональные разрывы. Институциональные разрывы неизбежно возникают в сложных институциональных системах между: смежными институтами; правилами игры и правилами контроля; институциональными уровнями. Институциональные разрывы означают, что не обеспечена связка между смежными правилами, новые и существующие институты некомплементарны. Если институциональные разрывы слишком велики или сохраняются продолжительное время, то вместо усвоения и укоренения нового формального института могут возникать разного рода незавершенные и промежуточные состояния с откровенно негативными последствиями: отторжение, деформализация и извращение, частичное введение нового института. Если силы противодействия довольно значительны и проявляют повышенную активность, нередко возникает отторжение нового института. В такой ситуации приходится либо отказываться от его введения, либо платить за его «внедрение» тройную цену, чтобы преодолеть как активное сопротивление, так и барьер большинства.

Другая ситуация возникает, когда ведущие участники рынка открыто не противодействуют введению нового правила, а проводят его деформализацию, приспособив это правило к своим узким интересам.

В результате происходит внутренний подрыв нового института. Формально новый закон активно применяется, но встраивается в неформальные деловые практики с результатами, далекими от запланированных. Происходит прямое извращение формального правила.

Весьма распространенной ситуацией является консервация частичных институциональных преобразований. Первоначальный выбор институционального образца может быть обусловлен оценкой текущих выгод от его введения. Порой важную роль играют и случайные обстоятельства. Но освоение принятого института, сопряженное с инвестициями в него, может привести к закреплению такого института и снижению стимулов к дальнейшим изменениям. В результате, даже если впоследствии возникает возможность введения более эффективных институциональных форм, оно всячески тормозится. Чем более успешны начальные преобразования, тем сильнее зависимость от первоначально избранной траектории и тем скорее могут произойти блокировка дальнейшего развития и остановка на частичных реформах. Здесь формируются группы игроков, заинтересованные именно в частичных преобразованиях. Они притормаживают реформы, направляя нарастающее недовольство общества против их инициаторов [9, с. 12–16].

Институциональные ловушки. В работе В.М. Полтеровича под институциональной ловушкой (lock in) понимается неэффективная устойчивая норма [14]. Устойчивость институциональной ловушки означает, что при небольшом временном внешнем воздействии на систему она остается в институциональной ловушке, возможно лишь незначительно меняя параметры состояния, а после снятия возмущения – возвращается в прежнее равновесие. Возникновение институциональных ловушек – главная опасность при проведении реформ. За формирование ловушек ответственны следующие механизмы: эффект координации (чем более последовательно используется норма, тем больший ущерб возникает от ее нарушения); эффект обучения (участники процесса в ходе обучения получают знания, которые закрепляются у них в поведенческой норме; обученные люди выполняют норму более эффективно, следовательно для ее нарушения необходимы большие затраты и возникает больший ущерб); эффективность сопряжения (цепочка изменений, так как данная норма связана с другими, повторные трансформации способствуют закреплению нормы); культурная инерция (нежелание менять стереотипы прошлого); лоббирование.

Вследствие эффекта координации индивид или малая группа проигрывают при отклонении от соответствующего стереотипа поведения, в то время как одновременный переход всех агентов к альтернативной норме позволил бы увеличить общественное благосостояние. Остальные эффекты закрепляют возникшую

¹ Другое определение институционального конфликта, данное В.М. Полтеровичем, касается конфликта между укоренившимися внедряемыми нормами, который иногда приводит к появлению нежизнеспособных институтов, но в ряде случаев появляются устойчивые, хотя и неэффективные образования – мутанты, являющиеся еще одной формой институциональной ловушки [14].

норму (иногда они могут привести к формированию ловушки, независимо от эффекта координации).

Если в системе превалировала эффективная норма, то после сильного возмущения (не меняющего, однако, структуру множества равновесий) она может попасть в институциональную ловушку, и тогда уже останется в ней даже при снятии возмущения. Это так называемый эффект гистерезиса (в некоторых случаях состояние системы зависит не только от значения экзогенного параметра, но и от того, получено ли это значение путем уменьшения или увеличения параметра) – типичное явление для процессов формирования норм и, в частности, институциональных ловушек.

Структура устойчивых норм существенно зависит от трансформационных издержек. На первый взгляд кажется, что их наличие лишь увеличивает устойчивость, оставляя сами нормы неизменными. Однако более тщательное рассмотрение показывает, что присутствие трансформационных издержек ведет к возникновению новых устойчивых состояний – смешанных норм поведения. В смешанном равновесии преимущества одной нормы над другой нивелируются из-за издержек трансформации. При этом типичной является потеря асимптотической устойчивости при возмущениях, превышающих некоторый порог. В этом смысле имеется аналогия между трансформационными издержками и трением покоя в механике. Некоторые смешанные равновесия могут быть эффективными, а другие – нет, образуя целый спектр институциональных ловушек.

Увеличившиеся под действием эффекта сопряжения издержки трансформации могут поддерживать изначально неэффективную норму даже в том случае, когда эффект координации перестает действовать. Единожды попав в институциональную ловушку, система выбирает неэффективный путь развития, причем со временем переход на эффективную траекторию может оказаться уже нерациональным. В работе В.М. Полтеровича приводятся примеры институциональных ловушек, таких как бартер, неплатежи, уклонение от уплаты налогов, коррупция, самореализующиеся пессимистичные ожидания [14].

Деструктивные процессы трансформации институтов. Как было указано выше, к процессам естественной трансформации институтов можно отнести их мутации [3] и диффузии [20]. Мутацию обычно понимают в традиционно негативном смысле, когда институт теряет свойственные только ему отличительные признаки. К мутации можно отнести негативную конверсию или видоизменение профиля действия института. Если это влияние института негативно влияет на поведение экономических субъектов, то диффузия содержит деструкцию. Одной из деструктивных проявлений диффузии институтов является наличие болезненной диффузии нормы одного института в состав другого и адаптации этой нормы, что обусловлено от-

сутствием родственности в широком смысле внешней и внутренней культурной среды, включая духовную, экономическую, управленческую и др. виды культур.

Негативная конвергенция норм. В работе А.Н. Олейника, указано, что основными факторами, влияющими на успех импорта институтов, являются степень и характер конгруэнтности господствующих в стране-импортере неформальных и формальных норм, на основе которых функционирует импортируемый институт [11, с. 206–207]. Под геометрическим термином конгруэнтности подразумевается наличие общих тенденций развития господствующих в обществе неформальных и импортируемых формальных норм. Наличие между нормами конгруэнтности позволяет получить их конвергенцию, сближение тренда, траектории институционального развития. В свою очередь, конвергенция бывает позитивной и негативной, эволюционной, стабильной и/или гибридной. Позитивная конвергенция заключается в сближении формальных и неформальных норм на основе тенденции, ведущей к оптимуму. Негативная конвергенция, наоборот, принимает форму общей тенденции к неэффективному результату. Эволюционная конвергенция (Й. Шумпетер, Дж. Гэлбрейт) видит в сближении норм динамический процесс. Гипотеза статической конвергенции (Ф. Перу) предполагает ситуацию, в которой формальные и неформальные нормы дополняют друг друга. Наконец, гибридная конвергенция (Я. Тинберген) заключается во взаимном влиянии формальных и неформальных норм, в итоге тенденция институционального развития не совпадает ни с трендом развития неформальных норм, ни с трендом развития формальных.

В нашей трактовке понятия конвергенции институтов при деструктивных конвергенциях снижается эффективность воздействий результирующего института. Деструктивные интерференции институтов возможны в случаях, когда содержание и направленность регулирующих воздействий норм одного института ослабляются под влиянием норм другого.

Деструктивные институциональные явления в масштабах национальной экономики и общества. Обобщенная характеристика институциональных искажений социально-экономических систем рассматривается в работе И.Н. Игошина. Это теневая экономика, контрабандная экономика, периферийный капитализм и анклавный капитализм [4, с. 60–84].

Подобные деструкции систем типа «Базар», «Анархия», «Плутократия» и «Административно-командная система» описаны в работе Г.Б. Клейнера при характеристике особенностей общества в зависимости от соотношения и объема регулятивных и конструктивных норм [6, с. 45–47]. При определении институциональной насыщенности пространства (степени охвата населения страны (региона) институциональными нормами) и плотности институцио-

нальной среды (среднее количество институционализированных норм, следование которым обязательно или желательно для институционального субъекта) рассматриваются случаи перенасыщенности и недостатка регулятивными институтами и конструктивными институтами, что можно отнести к институциональным патологиям.

Институциональный вакуум. Отвержение, непризнание институтов, массовое нарушение как формальных, так и неформальных правил и норм в результате радикальных реформ стали главной проблемой российской экономики (да и самой государственности). Сюда относятся как массовое нарушение контрактов (наиболее массовый вид – неплатежи), так и финансовые махинации, коррупция чиновников, директоров и резкий рост всех видов уголовных преступлений. Эта неэффективность, ненадежность официальных и неофициальных институтов оказывает настолько сильное влияние на все стороны жизни общества, что ее с полным правом можно охарактеризовать как институциональный вакуум. Причины вакуума – излишний радикализм в дискредитации всех институтов и ценностей предшествующего периода, разрушение государственных и хозяйственных структур, обеспечивающих их поддержку, несоответствие новой системы официальных норм и институтов структуре существующих производственных мощностей и потребностям модернизации этой структуры [1, с. 11–12].

Институциональный кризис. В работе А.Е. Шатитко указано, что используя аналогии с теорией экономического цикла, можно говорить о том, что в рамках институционального кризиса наблюдается несоответствие имеющихся правил и механизмов их поддержания правилам, необходимым для функционирования экономики, приобретшей, как считается, определенный вектор развития [21, с. 203–205]. Неравновесной считается ситуация, когда часть экономических агентов предпринимает усилия по изменению основополагающих правил игры (в терминах теории игр можно говорить об отсутствии равновесия по Нэшу, вне зависимости от того, является оно парето-оптимальным или нет).

В работе приводятся важнейшие характеристики институциональной среды в России, которые способствуют тем или иным образом возникновению институциональных кризисов. Это не только дихотомичность по линии «формальные – неформальные правила», но и компонентная неполнота, как на федеральном, так и на локальном уровнях. Важно также обратить внимание на сложность и нестабильность институциональной среды для принятия экономических решений, которые сопряжены, соответственно, с наличием формальных правил, допускающих различную трактовку и непрерывный процесс корректировки уже принятых законов. Данная ситуация – благодатная почва для воспроизводства торга по поводу

использования тех или иных правил. Другой важной характеристикой институциональной среды является ее фрагментарность. Суть ее – невозможность обеспечить фронтальное блокирование нежелательного типа поведения, которое проявляется в обходе существующих формальных институциональных рамок.

В работе Е.З. Майминаса определены многовековые корни институционального кризиса, в условиях которого, по мнению автора, находится Россия [10, с. 76–77]. Их, по меньшей мере, три: власть, собственность, общинные установки. И они тесно взаимосвязаны.

При анализе власти важным является характер государственных институтов в России. Эти институты всегда, были преимущественно централистскими, призванными обеспечить мобилизационный тип развития. Нынешнее постсоветское пространство находится в переходном состоянии, на развилке пути между непривычной нормальной децентрализацией и возвратом к привычному централизму.

При анализе собственности важны источники ее приобретения и способы владения. Как правило, ведущим было получение собственности от власти. Следовательно, веками в России, как и в традиционных восточных обществах, в паре «власть–собственность» исходным и ведущим звеном была власть; обратное соотношение утвердилось на Западе.

В общинных установках для россиян особенно важна оценка «справедливости» распределения власти, собственности и благ. Она открыто, оторвана от законности, от права и прочих юридических тонкостей. Более того, она обычно противостоит всему, что устанавливает власть. Только иногда «народная» и властная оценки могут совпасть или сблизиться. Власть должна быть твердой, жесткой, даже жестокой, но «справедливой», т.е. миловать и карать за «дело». Собственность как таковая – проблема для народа третьестепенная. Гораздо важнее, как власть распределяет блага. Вот здесь во всю раскрывается народное понимание «справедливости» – это не распределение по труду, по родовитости, а в основе своей – по едокам, по нуждаемости, т.е. уравнилельно. И с этим властям приходится считаться.

Ясно, что любое длительное отклонение от этих норм, тем более системное, в котором сплетается девиантное действие многих системообразующих институциональных факторов, вызывает кризис. Однако фокусом настоящего кризиса является необходимость перехода к постиндустриальному информационному обществу, который немалым без смены типа власти, собственности, установок и мотиваций в стране. Пожалуй, он глубже и масштабнее предшествующих кризисов в России, поскольку связан с категорическим императивом перехода от мобилизационного типа развития к инновационному, без чего стране теперь попросту не выжить.

Наличие деструкций в процессах управления формированием и развитием институтов может стать существенным фактором дестабилизации институциональной национальной экономики и спада экономического развития страны. Ниже перечислим определенные в ходе наших исследований деструкции в процессах управления формированием и развитием институтов: некорректность цели и миссии создания института, нерациональная организация институтов, нескоординированность институтов, дерегулирование поведения экономических агентов со стороны институтов, низкий уровень институциональной культуры и воспитания акторов и агентов, деструкции в институциональных коммуникациях, низкое качество и дефекты институтов, деструктивные явления на рынке институтов, деструктивная роль институциональных конфликтов, отсутствие компромисса между экономической эффективностью и социальной справедливостью института (норм), недостатки системы управления кадрами институциональной сферы (подробное см. [12, 13]).

Ограниченная рациональность и органическая (процедурная) рациональность поведения агентов. Ограничения, налагаемые на рациональность, ошибочно интерпретируются экономистами, как нерациональность или иррациональность. Экономическая теория трансакционных издержек признает, что рациональность человека ограничена, и утверждает, что обе части определения являются существенными. Стремление к рациональности означает ориентацию на экономное использование ограниченных ресурсов, а признание ограниченности познавательных способностей служит стимулом к исследованию институтов.

Согласно О.И. Уильямсону слабая форма рациональности – рациональность процесса или органическая рациональность – используется в современном эволюционном подходе и подходе австрийской школы [25, с. 44–52]. Но если Р. Нельсон и С. Уинтер рассматривают эволюционный процесс в рамках одной фирмы и в отношениях между фирмами, то австрийцы исследуют процессы более общего характера – например, связанные с институтами денег, рынков, аспектами прав собственности и права как такового. Как утверждает Л. Шнейдер, эти институты «нельзя запланировать. Общая схема таких институтов не созревает в чьем-либо сознании. В самом деле, существуют такие ситуации, когда незнание... оказывается даже более «эффективным» для достижения определенных целей, нежели знание этих целей и сознательное планирование их достижения» [24, с. 16]. Хотя возможность экономии на трансакционных издержках, несомненно, тесно связана с проблемой жизнеспособности институтов, которой занимается австрийская школа, поэтому союз этих подходов был бы полезным. Проблематика исследований теории органической рациональности и экономической теории

трансакционных издержек в настоящее время различна. Тем не менее, они дополняют друг друга, и каждая из них может рассчитывать на то, что она сможет с выгодой для себя использовать идеи другой [23, с. 50].

Психологические факторы нарушения рациональности выбора в поведении агентов. Девиантность в поведении экономических агентов обусловлена, прежде всего, их психологическими особенностями восприятия воздействий со стороны институтов. В работе Г.Б. Клейнера [6, с. 51–61] описаны ситуации принятия решения и действия традиционных факторов нарушения рациональности выбора, а также индивидуальные психологические предпосылки воздействия того или иного фактора на социально-экономическое поведение субъектов. Экономическим агентам свойственно не только рациональное, но и нерациональное (частично рациональное) и иррациональное поведение. В соответствии со структурой описания ситуации принятия решений определяются психологические факторы нарушения рациональности выбора, например, неготовность уяснить и сформулировать целевую установку в ситуации выбора («антипатия к целеполаганию»).

Таким образом, существует достаточно широкий круг психологических особенностей агентов, вызывающих неконтролируемое отклонение от рациональности индивидуального выбора. Неполную рациональность выбора, обусловленную для данного субъекта одним или несколькими из перечисленных факторов, естественно назвать, в отличие от ограниченной рациональности Г. Саймона и органической (процедурной) рациональности О. Уильямсона, органической иррациональностью, поскольку она отражает органически присущие данному индивиду качества и особенности, приводящие к нарушению рациональности поведения.

Виды оппортунистического поведения. В институциональной экономике с точки зрения контрактного процесса выделяется два типа оппортунистического поведения экономических агентов: предконтрактное и постконтрактное поведение. В учебнике «Институциональная экономика» [5, с. 81] приводится следующая характеристика указанных типов оппортунистического поведения. Предконтрактное оппортунистическое поведение – это поведение в период заключения контракта. Формой предконтрактного оппортунизма является неблагоприятный или ухудшающий условия обмена, отбор. Он характеризуется неблагоприятными для части экономических агентов свойствами внешней среды, выделяющими в ней как потенциальных партнеров тех экономических агентов, которые являются наименее желательными для рассматриваемого субъекта. Это является следствием существования скрытых для экономического агента характеристик благ. Наряду с предконтрактным существует также постконтрактный оппортунизм,

одной из причин возникновения которого является неполнота контракта, поскольку при составлении контракта невозможно предсказать все возможные действия агентов. Рациональный субъект, максимизирующий свою полезность и не зависящий от прибыли контрагента, попытается, формально не нарушая контракт, использовать ситуацию в собственных целях. Другая причина возникновения постконтрактного оппортунистического поведения – сложности измерения качества деятельности сторон. Одним из типов постконтрактного оппортунистического поведения является так называемое отлынивание, т.е. работа с меньшей отдачей, чем установлено по договору. Другая форма постконтрактного оппортунистического поведения – вымогательство – связана со специфичностью активов, т.е. с торгами за квазиренду. Вымогательство возможно в случае, если в данной транзакции используются специфичные активы. Если активы обеих сторон специфичны, вымогательство носит двусторонний характер.

Формы девиантного экономического поведения. В поведении экономических агентов можно выделить различные формы экономического девиантного, т.е. отклоняющегося от принятых норм, в том числе правовых, поведения [13].

К уголовно наказуемым формам экономического девиантного поведения относятся: растрата; присвоение; хищения; взяточничество; коррупция; лжепредпринимательство; незаконная банковская деятельность; создание фиктивных банковских учреждений; регистрация незаконных сделок с землей; воспрепятствование законной предпринимательской деятельности; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем; незаконное получение кредита; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности; незаконная банковская деятельность; создание лжепредприятий; ложное банкротство; кредитование подставных фирм, ассоциаций и обществ; мошенничество при получении ссуд и погашении кредитов; отмывание преступно нажитых капиталов; компьютерные посягательства на чужие денежные средства; сокрытие дохода (прибыли), т.е. неполный учет или не включение в налогооблагаемую базу доходов; подкуп участников и организаторов всевозможных соревнований и конкурсов; неправомерные действия при банкротстве; преднамеренное банкротство; фиктивное банкротство; злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии); незаконный экспорт технологий, научно-технической информации, услуг и др.

Нужно отметить также, что в зависимости от принятых норм хозяйственного и уголовного права формы девиантного поведения могут быть легализованы и признаны законными. Так случилось с некоторыми формами экономического поведения, которые в условиях плановой экономики социализма законом были

зафиксированы как девиантные (например, частное предпринимательство, фарцовка, подпольные производственные цеха и т.п.) и тогда считалось, что этим нарушаются принципы социальной справедливости, свойственные социалистическому хозяйствованию, приводящие к несправедливому обогащению нарушителей советских законов.

Следует указать еще на некоторые формы экономического квазидевиантного поведения, которые не всегда определяются однозначно и не являются уголовно наказуемыми, поскольку могут не всегда противоречить или вообще не противоречить принципам социальной справедливости в экономических отношениях. К ним можно отнести, например, целый ряд методов конкурентной борьбы, относящихся к так называемой неценовой конкуренции, включая технологии манипуляции в процессах формирования спроса, мероприятия «черного пиара», создание незаслуженного либо преувеличенного имиджа, распространение ложной миссии фирмы и пр.

Нарушение рациональности выбора конкретным агентом может быть связано: с недостатком у него информационных и иных ресурсов для проведения всех или некоторых этапов процесса выбора; некорректной или неэффективной технологией анализа и сравнения вариантов и поиска наилучшего (в том числе – использованием неадекватной или субъективной информации, а также субъективного оценивания и интерпретации информации); сознательным нежеланием в полном объеме осуществлять все необходимые для формирования и решения задачи выбора действия; неосознаваемыми антипатиями к определенного рода мыслительной, аналитической или волевой деятельности, необходимой для прохождения этапов принятия решения [6, с. 54].

Нонконформистское поведение. Параметры нонконформистского поведения рассматриваются в работе В.А. Тамбовцева [18, с. 77–78]. Там указано, что Р. Мертону принадлежит определение нонконформистского поведения, предполагающего принципиальное отклонение от нормы, и аберрантного поведения, в рамках которого отклонения целесообразны: нонконформисты объявляют о своем несогласии с социальными нормами публично и не стараются скрыть это; аберранты стремятся избежать публичного осуждения; нонконформисты бросают вызов законности социальных норм, которые они отрицают, или, по крайней мере, противостоят их применению в определенных ситуациях. Аберранты, напротив, осознают законность норм, которые они нарушают, но считают такое нарушение приемлемым для себя; нонконформисты стремятся заменить морально подозрительные, с их точки зрения, нормы теми, которые кажутся им морально обоснованными. Аберранты стараются в первую очередь избежать наказующего воздействия существующих норм, не предлагая им замены.

Приведенное разграничение фактически означает деление институциональных изменений по источникам возникновения их идей: неконформистское поведение обуславливает институциональные инновации (целенаправленное проектирование), аберрантное – спонтанные отклонения от нормы. Дело в том, что неконформистское поведение становится социальной нормой вследствие дискретного институционального изменения, посредством революции или «бунта». Напротив, аберрантное поведение, оцениваемое большинством населения (или какой-то группы, например, работниками организации) как успешное, становится «законной» нормой путем ее институционализации. Такие ситуации возникают тогда, когда формальная норма (закон) «отстает от жизни», т.е. от практически применяемой новой неформальной нормы, в массовом порядке выбираемой на институциональном рынке. Придание ей статуса формальной становится акцией на политическом рынке, осуществляемой при существующей структуре политических сил, не приводящей к резкому перераспределению последних.

Таким образом, неконформизм и аберрантность представляют собой некоторые типологические (комплексные), а не классификационные (частные) градации, обращающие внимание на сложный характер поведения, множественность оснований, по которым можно выделять различные его признаки.

Приведенные выше виды девиантного поведения экономических агентов можно подразделить в соответствии с принятыми в экономической социологии и психологии типами девиантного поведения, на:

- креативное – поведение, выходящее за рамки стереотипов хозяйствования. Подобная форма поведения носит конструктивный и преобразующий характер, в целом способствующий более эффективным стратегиям поведения экономических агентов;

- асоциальное – поведение, выражающееся в уклонении экономического агента от выполнения этических норм, корпоративных ценностей, деструктивно влияющее на межличностные отношения в ходе совместной экономической деятельности и на результаты этой деятельности;

- делинквентное (антисоциальное) – отклоняющееся от нормы поведение экономического агента с отчетливо выраженной антиобщественной направленностью, приобретающее, в крайних своих проявлениях, уголовно наказуемый характер. Оно может выражаться в форме экономических правонарушений, в виде действий или бездействий, влекущих за собой уголовную или гражданскую ответственность;

- аддиктивное – отклоняющееся поведение экономического агента со стремлением к уходу от реальности посредством чрезмерной фиксации на определенных видах деятельности, включая «трудоголизм» и бездействие;

- патохарактерологическое – отклоняющееся поведение экономического агента, обусловленное патологическими изменениями его характера вследствие дефектов воспитания или обучения. Характер человека представлен уникальным набором черт, каждая из которых представляет собой определенные устойчивые поведенческие модули: тревожность, педантичность и т.д.;

- психопатологическое – отклоняющееся поведение агента, обусловленное психическими расстройствами, в частности соматическими неврологическими и инфекционными заболеваниями, аномалиями сексуального поведения, расстройствами личности, агрессивным поведением, посттравматическим расстройством;

- девиантное на базе гиперспособностей – отклоняющееся поведение агента, сопровождающееся девиациями в обыденной жизни и экономической деятельности при особой одаренности и даже гениальности в других сферах жизни.

Кроме того, девиантное поведение экономических агентов можно подразделить в соответствии с числом агентов: один агент, случайная группа, ситуационная группа с предварительным сговором, организованная группа, большая группа-масса.

Для исследования недопустимых деструктивных проявлений мы вводим общее понятие институциональной патологии. Понятие патологии (от греч. *πάθος* – страдание, болезнь и *logos* – учение, наука, исследование) имеет различные толкования. Термин «патология» используется для обозначения негативных отклоняющихся от нормы явлений. Например, применительно к общественным наукам, как указывает Э. Фромм, социальная патология является неизбежным следствием конфликта между внутренними человеческими потенциями индивида, с одной стороны, и общества, которое препятствует их реализации, с другой [22]. Другое определение социальной патологии – человеческие действия, поступки, типы поведения, которые общество расценивает как вредные, подрывающие правопорядок и общественную мораль: преступность, хулиганство, алкоголизм, наркомания и т.д.

Аналогичным образом институциональную патологию в общем случае можно охарактеризовать как некоторое деструктивное институциональное явление. Сущность институциональной патологии заключается в замещении одних норм другими, им противоречащими. Это явление сопровождается значительными отклонениями фактических значений параметров от заданных эталонных значений.

Нужно отметить очень важное свойство относительности институциональной патологии, которое усложняет концептуальное определение этого понятия. Это свойство обусловлено тем, что патологические проявления по-разному воспринимаются как

институциональными акторами, так и агентами-пользователями институтов, что зависит от различия в их ценностных ориентациях. Например, институт частной собственности на средства производства для плановой системы хозяйствования в СССР противоречил Конституции страны, всем официально принятым нормативно-правовым актам. По этой причине он воспринимался устроителями и большинством законопослушных агентов, как институциональная патология, абсолютно недопустимая для экономической системы социализма. Вместе с тем, определенная группа хозяйственных руководителей, включая деятелей теневой экономики (так называемых «цеховиков», единоличных предпринимателей и т.п.), а также прогрессивно мыслящие ученые и эксперты воспринимали институт частной собственности на средства производства как позитивное явление и необходимое средство оздоровления экономики страны.

Учитывая свойство относительности, мы под институциональной патологией понимаем те явления в институциональной системе, которые препятствуют созданию в России некоторой системы идеальных институтов. Идеальные институты определяют совершенные во всех отношениях нормы поведения экономических агентов, и основаны на глубоком научном познании и полном использовании объективных законов поведения человека на всех уровнях организации совместной деятельности – от высшего уровня в масштабах национальной экономики до индивидуального поведения конкретного эмпирического индивида в социально-экономической системе.

Организация экономической деятельности по канонам идеальных институтов на практике не представляется возможной. Идеальные институты задают лишь своеобразный ориентир, к которому нужно стремиться, но которого на практике нельзя достичь. В настоящее время для России в качестве идеальных институтов выступают институты развитого гражданского общества [2, 8], функционирование которых направлено на повышение качества жизни населения на основе создания высокоэффективной национальной экономики инновационного типа. Институты гражданского общества включают в себя регуляторы социально-экономических отношений с позиций критериев повышения гуманизации и транспарентности, достижения компромисса между экономической эффективностью производства благ, социальной справедливостью их распределения и социальной ответственностью экономических агентов.

Для определения сущности институциональной патологии нужно определить место, процессы и причины ее возникновения, то есть ответить, прежде всего, на вопросы: где возникает институциональная патология, в чем она выражается и какова ее первопричина?

Где возникает патология? Объектами институциональной патологии могут быть, во-первых, составные конструкционные части института, во-вторых, поведение экономических агентов. Первичными атомарными объектами института, которые могут быть подвержены институциональной патологии, являются базисные нормы института². Патологии могут быть обнаружены также в дополнительных, вспомогательных инструктивных поддерживающих, ценностных и когнитивных нормах. Другим первичным объектом, который может приобрести собственную патологию под воздействием патологической нормы является индивидуальное поведение экономического агента.

Производными институциональной патологиями, то есть образованными на основе патологий первичных, атомарных объектов, являются множество взаимодействующих норм одного и нескольких институтов, множество институтов, институциональная система национальной экономики в целом. Производным институциональным патологиям может быть подвержено групповое и массовидное поведение экономических агентов.

В чем выражается институциональная патология? При возникновении патологии в исходной норме ее правила, предписания или образцы изменяются на противоречащие им. В частном случае, может возникнуть антинорма, то есть противоположная или ортогональная, норма. При возникновении патологии индивидуальное поведение экономического агента существенно изменяется. Агент начинает резко нарушать исходные нормы и следовать в своем поведении вновь образованным нормам, подверженным патологии.

Каков процесс возникновения институциональной патологии? Институциональные патологии могут возникнуть в результате как неосознанных, так и преднамеренных действий институциональных акторов при создании и трансплантации институтов. Патологии обычно зарождаются в процессе эволюционного регресса институтов. Кроме того, патологии появляются в результате ошибочного выбора экономическими агентами институтов, подверженных патологией. Причем, этот выбор может быть обусловлен как наличием патологий в ценностных ориентациях агентов, так и манипулированием поведением агентов посред-

² Система норм, соответствующих социальному институту, должна включать следующие пять компонент: базисные нормы, выражающие основные положения данного института (ядро института); дополнительные нормы, входящие в «защитный слой» института; вспомогательные инструктивные поддерживающие нормы, формирующие механизмы мониторинга, контроля и поддержки соблюдения норм ядра института; ценностные нормы, определяющие общее направление оценок данного института, формирующихся в сознании людей (как входящих в состав носителя института, так и «сторонних наблюдателей»); когнитивные нормы, регулирующие процесс восприятия сути и действия норм различными субъектами [6, с. 35–36].

ством создания некоторыми недобросовестными акторами ложных идеалов.

В чем первопричина институциональных патологий? В работе И.Н. Игошина приводятся четыре основные причины институциональных искажений:

– внедрение нового института извне в сложившуюся институциональную структуру, когда новый институт, независимо от его функциональной полезности, радикально меняет институциональную среду, вытесняет прежние институты, отвечавшие за схожие функции, вынуждает другие институты изменить свои обычные и выработать новые функции и реакции. Обратная опасность – искажение самого института: адаптируясь к имеющимся социальным отношениям, он изменяет свою функцию или структуру элементов, наследует функции или структуры замещаемых им институтов;

– изменение функций и содержания каких-либо институтов в результате их адаптации к изменению внешней среды, то есть, адаптация протекает неадекватно, разрушает институт или институциональную систему, ведет к деструктивным изменениям; либо сама система не допускает изменений, которые требуются для оптимизации ее отдельных институтов и частичная оптимизация действует губительно на систему; либо когда в рамках развивающейся институциональной системы замораживаются некоторые институты;

– изменение отношения к институтам вследствие изменения институциональных образцов (изменение культуры, ценностей и социальных представлений), в этом случае институты начинают восприниматься как дефектные или исторический реликт;

– ошибочная институциональная политика, целенаправленно деформирующая институциональную систему, когда в основу политики закладываются неадекватные представления о цели изменений, их стратегии, путях достижения, темпах, последовательности, а также неадекватные ценностные и нормативные представления [4, с. 13–19].

Однако перечисленные причины институциональных искажений по сути своей вторичны, первопричина же институциональных патологий кроется в объективных противоречиях между личностями экономических агентов, обществом и государством. В данном контексте под обществом понимается структурированная совокупность индивидов, проживающих на территории данной страны, а также различных политических и иных организаций, а государство – политическая организация, осуществляющая управление страной. Различные виды взаимодействия государства, общества и экономики приведены в работе [7]. Эти противоречия находят свое выражение в дивергенциях ценностных ориентаций формальных и неформальных институциональных акторов и экономических агентов. Чем выше степень дивергенции,

тем выше вероятность возникновения институциональных патологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, деструктивные проявления в институциональной системе национальной экономики – это негативные трансформации институтов, отклонения от их нормального функционирования, ведущие к снижению эффективности и негативным внешним эффектам. Такие проявления могут возникать в разных сферах: в строении и механизмах воздействия институтов, в сфере управления, а также в виде девиантного поведения экономических агентов. Высокая степень деструктивных проявлений характеризуется как институциональная патология. Снижение деструктивных проявлений в институциональной системе (дисфункций, аномалий) требует анализа причин их возникновения и разработки методов противодействия. Цель – устранить неэффективные институты, которые удерживают систему в неэффективном равновесии, и повысить качество функционирования институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волконский В.А. Институциональные проблемы российских реформ. М.: Диалог-МГУ, 1998. 98 с.
2. Володин А.Г., Ворожейкина Т.Е., Загорский А.В. и др. Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 311 с.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2003. 566 с.
4. Игошин И.Н. Институциональные искажения в российском обществе. М.: Директмедиа Паблишинг, 2003. 151 с.
5. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник. Под общ. ред. А.А. Аузана. М.: ИНФРА-М, 2005. 415 с.
6. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 238 с.
7. Клейнер Г.Б., Петросян А.С. Взаимодействие государства и общества при формировании экономической политики // Общество и экономика. 2005, №4. С. 48–69.
8. Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. 782 с.
9. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 5–27.
10. Майминас Е.З. Институциональные корни и особенности институциональных кризисов в России // Куда идет Россия?. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. За-

- славской. М.: Логос, 1999. С. 75–78.
11. ОЛЕЙНИК А.Н. Институциональная экономика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2004. 414 с.
 12. ПЕТРОСЯН Д.С. Институциональная экономика: управление формированием и развитием социально-экономических институтов. Учебное пособие. М.: ИНФРА –М, 2014. 277 с.
 13. ПЕТРОСЯН Д.С. Институциональные патологии национальной экономики // Аудит и финансовый анализ. 2007. №2. С. 373–391.
 14. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. №2. С. 3–20.
 15. ПОЛТЕРОВИЧ В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
 16. СУХАРЕВ М.В. Социальные антиинституты // Экономическая социология, 2004. Т. 5. № 5. С. 63–73.
 17. СУХАРЕВ О.С. Основные понятия институциональной и эволюционной экономики: Краткий курс лекций. М.: Брянск: Центр эволюционной экономики ИЭ РАН; Изд-во Брян. гос. ун-та, 2004. 127 с.
 18. ТАМБОВЦЕВ В.Л. Экономическая теория институциональных изменений. М.: ТЕИС, 2005. 542 с.
 19. УРУМОВА Ф.М. Проблемы институциональных систем и институциональная системная трансформация переходной экономики. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова, 2004. 211 с.
 20. ХОДЖСОН ДЖ.М. Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. Доклады и выступления уч-ов межд-ого симп. (г. Пущино, 23–25 сентября 1996 г.). М.: Изд-во "Япония сегодня". 1997. С. 43–51.
 21. ШАСТИТКО А.Е. Институциональная среда хозяйствования в России: основные характеристики // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. Мат-лы VI Меж-ого симп. Москва, 15–16 января 1999 г. М.: Логос, 1999. С. 201–206.
 22. FROMM E. The sane society. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1955. 370 p.
 23. LANGLOIS R.H. Economics as a Process. Reprint 21. N.Y.: New York University, 1986. 262 p.
 24. NELSON R.R., WINTER S.G. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1985. 454 p.
 25. WILLIAMSON O.E. The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y.: The Free Press, 1985. 450 p.
 3. ZASLAVSKAYA T.I. Societal Transformation of Russian Society. Moscow: Delo, 2003:566. (In Russian).
 4. IGOSHIN I.N. Institutional Distortions in Russian Society. Moscow: Directmedia Publishing, 2003:151. (In Russian).
 5. Institutional Economics: New Institutional Economic Theory: Textbook. Ed. by A.A. Auzan. Moscow: INFRA-M, 2005:415. (In Russian).
 6. KLEINER G.B. Evolution of Institutional Systems. Moscow: Nauka, 2004:238. (In Russian).
 7. KLEINER G.B., PETROSYAN D.S. Interaction of the State and Society in the Formation of Economic Policy. *Obshchestvo i ekonomika*. 2005;4:48–69. (In Russian).
 8. COHEN D.L., ARATO E. Civil Society and Political Theory. Translated from English. Moscow: Ves' Mir, 2003:782. (In Russian).
 9. KUZMINOV YA., RADAEV V., YAKOVLEV A., YASIN E. Institutions: from borrowing to cultivation (the experience of Russian reforms and the possibilities of cultivating institutional changes). *Voprosy ekonomiki*, 2005;5:5–27. (In Russian).
 10. MAIMINAS E.Z. Institutional roots and features of institutional crises in Russia. Where is Russia heading? Crisis of institutional systems: Century, decade, year. Under the general editorship of T.I. Zaslavskaya. Moscow: Logos, 1999:75–78. (In Russian).
 11. OLEINIK A.N. Institutional economics: Textbook. Moscow: INFRA-M, 2004:414. (In Russian).
 12. PETROSYAN D.S. Institutional economics: managing the formation and development of socio-economic institutions. Textbook. Moscow: INFRA-M, 2014:277. (In Russian).
 13. PETROSYAN D.S. Institutional pathologies of the national economy. *Audit i finansovyy analiz*. 2007;2:373–391. (In Russian).
 14. POLTEROVICH V.M. Institutional traps and economic reforms. *Ekonomika i matematicheskiye metody*. 1999;35;(2):3–20. (In Russian).
 15. POLTEROVICH V.M. Transplantation of economic institutions. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 2001;3:24–50. (In Russian).
 16. SUKHAREV M.V. Social anti-institutions. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2004;5;(5):63–73. (In Russian).
 17. SUKHAREV O.S. Basic Concepts of Institutional and Evolutionary Economics: A Short Course of Lectures. Moscow: Bryansk: Centr evolucionnoy ekonomiki IE RAN; Izd-vo Bran. gos. un-ta. 2004:127. (In Russian).
 18. TAMBOVTSEV V.L. Economic Theory of Institutional Changes. Moscow: TE-IS, 2005:542. (In Russian).
 19. URUMOVA F.M. Problems of Institutional Systems and Institutional Systemic Transformation of a Transition Economy. Vladikavkaz: Izd-vo Sev.-Oset. gos. un-ta im. K.L. Khetagurova. 2004:211. (In Russian).

REFERENCES

1. VOLKONSKY V.A. Institutional Problems of Russian Reforms. Moscow: Dialog-MSU, 1998:98. (In Russian).
2. VOLODIN A.G., VOROZHEYKINA T.E., ZA-

20. **HODGSON J.M.** Viability of Institutional Economics. Evolutionary Economics on the Threshold of the 21st Century. Papers and presentations of participants in the international symposium (Pushchino, September 23–25, 1996). Moscow: Izd-vo "Yaponiya segodnya". 1997:43–51. (In Russian).
21. **SHASTITKO A.E.** Institutional economic environment in Russia: main characteristics. Where is Russia heading? Crisis of institutional systems: Century, decade, year. Proceedings of the VI International Symposium. Moscow, January 15–16, 1999. Moscow: Logos, 1999:201–206. (In Russian).
22. **FROMM E.** The sane society. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1955:370. (In Russian).
23. **LANGLOIS R.H.** Economics as a Process. Reprint 21. N.Y.: New York University, 1986:262.
24. **NELSON R.R., WINTER S.G.** An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1985:454.
25. **WILLIAMSON O.E.** The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y.: The Free Press, 1985:450.

Петросян Давид Семенович,
д.э.н., профессор, начальник отдела стратегических исследований инновационного развития АО «Институт региональных экономических исследований»

✉ 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, 29/16,
119002, Moscow, lane Sivtsev Vrazhek, 29/16,
e-mail: pet_dav@mail.ru

Столярова Алла Николаевна,
д.э.н., профессор, начальник отдела проблем экономической безопасности регионов и управления образовательными процессами в сфере безопасности АО «Институт региональных экономических исследований», профессор кафедры менеджмента и экономики ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

✉ 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, 29/16,
119002, Moscow, lane Sivtsev Vrazhek, 29/16,
e-mail: stolyarova2011@mail.ru

Капанина Татьяна Сергеевна,
к.и.н., доцент кафедры менеджмента и экономики ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

✉ 140411, г. Коломна, ул. Зелёная 30,
140411, g. Kolomna, ul. Zelonaya 30,
e-mail: tgleonova@mail.ru